

Е. Ю. Машукова*

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В РЕЦЕПЦИЯХ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ ГРАД»**

Предметом данного исследования является отношение авторов эмигрантского журнала «Новый град» к строительству социализма в СССР в 30-х годах XX века, и в частности к одной из главных задач построения социализма — формированию нового советского человека. Характерной особенностью новгородцев явилось то обстоятельство, что, отвергая и критикуя сталинский социализм, они также не принимали и капитализм в качестве исторической альтернативы. Критика капитализма и социализма предпринималась авторами журнала прежде всего на том основании, что в этих режимах невозможно было осуществление главной цели социального развития — правды личности и ее свободы. На страницах журнала осуществляется развернутая критика деятельности советской власти, направленной на формирование нового советского человека. По сути все направления этой деятельности объединялись термином «культурная революция». Она включала в себя следующие задачи: создание новой пролетарской культуры, искоренение религии, ликвидацию безграмотности, создание новой пролетарской морали, в основе которой была полная подчиненность человека делу строительства коммунизма. Новогородцы полагают, что на всех этих направлениях деятельность большевиков привела к фактическому уничтожению в Советской России всякой возможности самозарождения личности. Советская власть хочет господствовать над людьми, сделав их безличными строителями социализма, а по существу «зомбированной массой, которой легко управлять», считают авторы «Нового града». Автор делает попытку связать размышления новгородцев с реальным контекстом эпохи и работами современных авторов и приходит к выводу о том, что многие оценки авторов журнала являются настолько точными, что фактически повторяются современными исследователями данной проблемы.

Ключевые слова: Новый град, советский человек, свобода личности, духовные ценности.

---

* Машукова Елена Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, Санкт-Петербург; lilacrainbow@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

E. Y. Mashukova
THE FORMATION OF A NEW SOVIET MAN IN
THE RECEPTION OF THE AUTHORS OF THE MAGAZINE "NOVY GRAD"

The subject of this study is the attitude of the authors of the émigré magazine «Novy Grad» to the building of socialism in the USSR in the 30s of the XX century, and in particular to one of the main tasks of building socialism — the formation of a new Soviet man. A characteristic feature of the Novogradites was the fact that, while rejecting and criticizing Stalinist socialism, they also did not accept capitalism as a historical alternative. Criticism of capitalism and socialism was undertaken by the authors of the journal primarily on the grounds that in these regimes it was impossible to achieve the main goal of social development — the truth of the individual and his freedom. On the pages of the magazine, a detailed criticism of the activities of the Soviet government, aimed at the formation of a new Soviet man, is carried out. In fact, all areas of this activity were united by the term «cultural revolution». It included the following tasks: the creation of a new proletarian culture, the eradication of religion, the elimination of illiteracy, the creation of a new proletarian morality, which was based on the complete subordination of man to the cause of building communism. Novograd residents believe that in all these areas the activities of the Bolsheviks led to the actual destruction in Soviet Russia of any possibility of self-generation of the individual. The Soviet government wants to dominate people by making them impersonal builders of socialism, but essentially a «zombie mass that is easy to control,» the authors of the «New City» believe. The author makes an attempt to link the reflections of Novograd residents with the real context of the era and the works of modern authors and comes to the conclusion that many of the assessments of the authors of the journal are so accurate that they are actually repeated by modern researchers of this problem

Keywords: Novy Grad, Soviet man, personal freedom, spiritual values.

Приблизительно с середины 20-х гг. прошлого столетия, после утверждения большевистского режима в бывшей Российской империи, в отечественной и эмигрантской общественной мысли возникла проблема советского человека как особого социально-антропологического явления.

Например, группа «Смена вех» (и вместе с ней значительная часть русской эмиграции) утверждала, что нормальный «русский человек» (прежде всего мужик, крестьянин), переживший кошмары войны и революции, возьмет верх над революционными фантазерами и организует жизнь и государства на обычных началах. Группа так называемых евразийцев надеялась на то, что порожденный революцией «новый человек» спасет российское государство и сможет ориентировать его на (мифологизированную) Азию. Советская официальная общественная мысль ориентировалась на то, что должным образом реконструированный и «исправленный» человек имперской эпохи послужит достаточно надежным кирпичиком новоимперской государственности [см. об этом: 14].

20-е годы XX века — время значительных экспериментов в культуре, получивших название культурной революции: попытки совершить реформы в образовании, отменить или преобразовать семью, создать новую пролетарскую мораль, новое искусство и литературу — все эти попытки были свернуты, и в 30-е годы начинается возвращение к истокам, так называемое «Великое отступление». «Концепция “Великого отступления” означала, что после безудержного революционного экспериментаторства во всех сферах

жизни в 1920-е гг. сталинистская система 1930-х гг. из-за ряда объективных причин снова вернулась к традиционным ценностям» [29, с. 355]. Принято считать, что становление «классического» типа советского человека приходится на 30–40-е годы XX века, когда выросло первое поколение людей, воспитанных при советской власти и испытавших влияние всех этих нововведений. Именно на это время приходится деятельность эмигрантского журнала «Новый град», который активно включается в дискуссию о советском человеке целым рядом полемических статей. Это не было случайностью, ведь проблема свободы личности и ее гармонического развития всегда была в центре внимания новгородцев. Необходимо отметить, что журнал «Новый град» занимал особое место в богатой на таланты русской эмигрантской литературе 30–40-х годов. Это место определено было не только тем, что в его создании принимали участие выдающиеся мыслители и блестящие стилисты: Г. Федотов, Ф. Степун, Н. Бердяев, Н. Лосский, И. Бунаков, Б. Вышеславцев, но также тем обстоятельством, что, отвергая и критикуя сталинский социализм, новгородцы также не принимали и капитализм в качестве исторической альтернативы. Критика капитализма и социализма предпринималась новгородцами прежде всего на том основании, что в этих режимах невозможно было осуществление главной цели социального развития — правды личности и ее свободы. Они понимали, что эта цель неосуществима без духовного перерождения людей. Свою задачу они видели в том, чтобы выработать целостное мировоззрение, в котором признавалась бы абсолютная ценность личности. Это мировоззрение должно было бы противостоять большевистской идеологии, ведь, по мнению новгородцев, любой социальный строй держится на душах людей, следовательно, надо подорвать доверие людей к этому строю, «увести души людей от советской власти». Необходимо также упомянуть, что основой такого мировоззрения должно было быть христианство, так как, лишь оно, по убеждению новгородцев, открывает для людей бесконечную ценность личности. Но, на первое место выходит нравственное измерение христианства, которое нужно возродить в общественной жизни. В редакционной статье первого номера журнала его авторы пытаются обозначить основные черты справедливого общественного устройства, то есть такого социального строя, где осуществилась бы наконец подлинная демократия, которая гарантировала бы свободу личности, ведь по словам одного из авторов «Нового града» Б. Вышеславцева: «Принцип демократии, наперекор словесному смыслу, вовсе не есть власть народа и власть большинства. Принцип демократии: правовое государство и автономия личности» [7, с. 39].

На страницах журнала осуществляется развернутая критика деятельности советской власти, направленной на формирование нового советского человека. По сути все направления этой деятельности объединялись термином «культурная революция». Она включала в себя следующие задачи: создание новой пролетарской культуры, искоренение религии, ликвидацию безграмотности, создание новой пролетарской морали, в основе которой была полная подчиненность человека делу строительства коммунизма. Итогом деятельности советской власти в этом направлении было воспитание нового поколения советских людей. Каковы же главные черты этого нового советского челове-

ка, воспитанного большевиками? Очевидно, что все эти черты должны были воплотиться в молодежи 30-х годов, первого поколения людей, воспитанных советской властью. Новоградцы подчеркивали, что именно молодежь стала главной идеологической опорой новой власти, более того, комсомол в СССР к 30-м годам был единственной силой, сохраняющей веру в коммунизм. Молодежь, настоящий «железобетон» советской власти, отмечает И. Бунаков, так как воспитана большевиками по своему образу и подобию. И даже если некоторые представители молодежи ненавидят свою власть, они очень мало от нее отличаются по складу своей души, по взглядам на мораль, семью и любовь [6, с. 37]. Вследствие того, что молодежи свойственен максимализм, «оторванность от жизни», она наиболее склонна поддержать любую радикальную доктрину, именно поэтому она является наиболее «идеократическим» слоем советского общества. Но, так называемый идеализм советской молодежи не является моральным, хотя некоторые моральные качества в ней присутствуют, такие как мужество, дисциплина, преданность общему делу. Но эти качества в сочетании с отрицанием личной чистоты, правдивости и человечности создают скорее военный тип общественного служения, полагает Г. Федотов [27, с. 15]. Поэтому, можно восхищаться некоторыми качествами молодежи, например, трудовой энергией, но есть и обратная сторона — комсомольцы не только строят заводы, но и разрушают храмы и расстреливают крестьян, и вообще энергия комсомола направлена против народа, которого силой загоняют в «технический рай».

Следующим направлением культурной революции было полное искоренение религии. Но в СССР коммунизм де-факто перерастает во что-то, напоминающее религию, отмечает И. Лаговский, показывая на конкретных примерах, взятых из советской прессы, рождение в Советской России «нового религиозного сознания». Коммунистический энтузиазм приобретает в советской России все более религиозную окраску, об этом свидетельствует и эсхатологическая одержимость большевиков, и почти религиозная природа культа Маркса и Ленина:

«Утверждение социальной правды, как дела прежде всего религиозного, в советских условиях часто принимает даже странные, граничащие с кощунством, уродливые формы. Советский культ Маркса и Ленина становится религиозным. Они, как обличители социального зла, предсказывавшие о новой социальной действительности, потрудившиеся над осуществлением ее, начинают почитаться как своего рода пророки» [12, с. 48].

Степун, в свою очередь, говорит о «церковно — приходском марксизме» Ленина [17, с. 9] и резюмирует, что страна уже 15 лет «бьется в бреду рационалистического утопизма» [19, с. 18]. Интересно, что эти наблюдения новоградцев полностью разделяют современные исследователи: так, известный американский исследователь Стивен Коткин писал о теократических аспектах сталинской цивилизации [31], наконец, заявление о том, что марксизм был в сущности, лишь еще одной формой религии в СССР, является почти общим местом в современных исследованиях [см. об этом: 29].

Формированию образа нового советского человека подчинена была вся система образования, считал С. И. Гессен, один из авторов «Нового града»,

написавший одну из лучших книг по педагогике в XX веке — «Основы педагогики». Гессен подчеркивал, что главной целью образовательной политики советской власти было воспитание членов нового коммунистического общества: «Школьная политика должна была разрешить задачу создания “квалифицированной рабочей силы”, коммунистическое правопонимание которой стояло бы выше всяких подозрений» [8, с. 68].

По мнению Гессена, культурная пятилетка провалилась: «Отступление советской власти на фронте просвещения является одним из “возвышеннейших зрелищ эпохи Русской Революции”» [9, с. 42]. Почему же она провалилась? Прежде всего потому, что итогом повальной ликвидации безграмотности стало чудовищное снижение качества образования. За один только год удалось ликвидировать миллионы безграмотных, но фантастический количественный рост школы привел к такому чудовищному снижению ее качества, что сама советская власть была потрясена обнаружившимися результатами.

Также большевики были вынуждены признать неудачу «классового отбора»: «Пролетариат оказался явно неспособным или нежелающим воспользоваться предоставленной ему привилегией “грызть гранит науки”» [там же]. Дело в том, что до 1935 года прием в советские вузы регулировался нормами представительства различных общественных слоев, в рамках которых особое предпочтение отдавалось абитуриентам пролетарского происхождения. Делалось это в целях создания рабочей интеллигенции. В 1928 году пролетарское происхождение имела четверть советских студентов; к 1935 году их доля достигла 45%. В декабре 1935 года вышло правительственное постановление, которым провозглашалось право всех советских граждан независимо от происхождения на получение высшего образования. Однако эта новая политика не покончила с дискриминацией «классово чуждых» элементов.

Следующим направлением школьной реформы было преимущественное внимание к политическим вопросам, следствием чего явилась тотальная политизация школы. Гессен отмечает, что грамотность понималась как «грамотность, в первую очередь политическая», а не как «безошибочность в письме». С 1928 года политграмота разрастается в целый самостоятельный цикл отдельных учебных предметов, в так называемое «социально-политическое ядро» учебных программ. Таким образом, вместо того, чтобы развивать всесторонне задатки личности, речь шла о том, чтобы сделать образование орудием всемирной революции, а личность учащегося — средством партии и государства. Сближение школы с производством, а также ее последующая военизация способствовали этому процессу. Гессен отмечает, что все эти нововведения наложили несомненный отпечаток на самоидентичность советского человека:

Выдвижение рабочего комсомольца на командные посты было последней целью школьной реформы. Самоуверенный и полуграмотный, исполненный ненависти к старым спецам и предпочитающий им иностранных наймитов, он представляет собою тот новый правящий слой, на который во все большей степени принуждена опираться советская власть [8, с. 74].

Следующим важнейшим направлением деятельности советской власти, направленной на формирование нового человека, было реформирование семейно-брачных отношений. Большевики провозгласили задачу создания

новой пролетарской культуры и новой морали. Однако, по мнению новгородцев, «борясь за новую мораль, они нанесли непоправимые удары всякой морали» (Степун). Это особенно было заметно в такой области общественных отношений, как семья и брак.

Практика заключения браков в СССР в то время регулировалась Семейным кодексом 1926 года, легализовавшим фактические браки совместно проживавших партнеров. Эти браки назывались гражданскими, известно, что первый такой брак был заключен между матросом Павлом Дыбенко и народным комиссаром общественного призрения, впоследствии чрезвычайным и полномочным послом СССР Александрой Коллонтай.

О значении, которое социальная революция придавала вопросам семьи и брака, свидетельствуют два декрета за подписью Ленина, изданные уже 19 и 20 декабря 1917 года. Они, по существу, упраздняли все прежнее законодательство о браке и семье. Один декрет назывался «об отмене брака» (но его содержание не было таким однозначным, как его название). Второй декрет назывался «О гражданском браке, о детях и о внесении в акты гражданского состояния». Оба закона лишали мужчину права на руководство семьей, предоставляя женщине полное материальное и гражданское самоопределение:

«В соответствии с общей тенденцией к упрощению жизни, характерной для советской системы расторжение принудительного брака было чрезвычайно упрощено. Сексуальный союз, который все еще назывался брачным, можно было столь же легко расторгнуть, как и заключить, значение имело лишь свободно выраженное согласие партнеров. Регистрация отношений перестала быть обязательной, вопрос об отношениях между партнерами больше не решало государство» [15, с. 61].

Ф. Степун в статье «Любовь по Марксу» считает, что «либертарная» идея освобождения женщины и семьи на самом деле обернулась закрепощением семьи «коммунистической государственностью, выдаваемой за советскую общественность» [18, с. 18]. Установка института фактического брака и проповедь свободной любви разрушила институт семьи, и это не было случайностью, полагает Степун, ведь, семья является тем фундаментом, на котором держится независимость личности, таким человеком уже труднее управлять. Советской же власти нужен весь человек, отсюда принцип уничтожения всяких «мещанских» семейных радостей. Вводя «холостую психологию», советские писатели стремятся к наибольшей «депоэтизации» любви, к ее «метафизическому удешевлению». Таким образом, обесценивание семьи и любви как буржуазных ценностей оказалось на руку советской власти, которая хочет господствовать над людьми, сделав их безличными строителями социализма, а по существу «зомбированной массой, которой легко управлять», считает Степун [см. об этом: 18].

И, наконец, еще один миф советской власти — идея о том, что только жизнь в коллективе придает смысл человеческому существованию, другими словами, подлинной социальной жизнью является жизнь в коллективе. Необходимо отметить, что коллектив был специфически советским, а не универсально-человеческим феноменом [29, с. 72], в советских словарях «коллективизм» определялся как принцип товарищеского сотрудничества работников, согласно

которому личные интересы индивида должны быть подчинены общественным. Считалось, что подчинение революционному коллективу придает человеку силы и гарантирует осмысленность его существования. Только социальное единство, построенное по социалистическому принципу, говорил теоретик коллектива А. С. Макаренко, может быть названо коллективом [цит. по: 29, с. 96]. По определению основоположника советской педагогики, коллектив — общность, связанная с борьбой за коммунистическое будущее [там же].

Но советский коллектив — это не более, чем фикция, пишет Степун, так как подлинное единение между людьми возможно лишь там, где речь идет о личностях. Но поскольку большевики отрицают самоценность человеческой личности, и в общем-то делают все, чтобы уничтожить саму возможность ее возникновения, ни о какой нравственной связи между людьми говорить не приходится. По этому поводу Степун остроумно замечает, что: «о подлинной общности можно говорить лишь там, где общество состоит из личностей; там же, где оно состоит не из личностей, а из индивидуумов, допустима, строго говоря, лишь речь о коллективе» [21, с. 214].

С оценкой Степуна перекликается замечание советского философа А. Зиновьева, которое приходится уже на 70-е годы прошлого столетия: «Реальная жизнь коллектива — это постоянная борьба за признание, где каждый пытается помешать другим отличиться» [см. об этом: 10]. Поэтому не случайно советский коллектив оказался той средой, где зарождалось новое советское мещанство. Интересно, что о появлении мещан в советском обществе писал тот же Макаренко, отмечая, что главным признаком этих людей было притворство и лицемерие. Макаренко считал существование таких притворщиков главной угрозой для коллектива. Его забота как главного педагога была в том, чтобы разбираться не с теми, кто открыто нарушал правила коллектива, а с теми, кто был почти незаметен в повседневной жизни. Макаренко считал, что притворяющиеся советскими патриотами могут после выхода из колонии быстро стать мещанами, то есть, по словам Макаренко, «рано женятся, заводят семейку, пристраиваются при помощи всяких лазеек на работу, выходят из комсомола, теряют общественную связь...» [цит. по: 29, с. 354]. Думается, что не будет большим преувеличением сказать, что лицемер постепенно превратится в господствующий тип советской личности: так, современный исследователь отмечает, что советское лицемерие было специфическим способом связки публичной и приватной сфер в советском режиме. Лицемеры новой эпохи формируются как личности именно с помощью самой практики лицемерия: этот раскол естественен для них, так как они становятся частной независимой личностью, лишь затворяя свою жизнь от товарищей. Теперь становится вообще трудно выжить, если ты не лицемер, и не только из-за того, что режим уничтожает мужественных нелицемеров, но и потому, что «лицемеры, превратившиеся в господствующий тип советской личности, вынуждают всех стать таковыми» [29, с. 359].

По мнению новгородцев, спасти человека от социального утилитаризма и мещанства может лишь возрастание духовной жизни в мире, духовное пробуждение личности, но это как раз невозможно, потому что большевики разрушили русскую культуру и по сути уничтожили интеллигенцию.

Как известно, наиболее сложным в советском обществе оказалось положение интеллигенции. В новой социальной иерархии интеллигенция занимала низшие позиции, она презрительно именовалась социальной прослойкой, доминирующее положение в обществе должно было принадлежать двум основным классам советского общества — рабочим и крестьянам. Сама природа труда, которым занималась интеллигенция, вызывала недоверие рабочего класса, которому совершенно чуждо было понятие о профессиональном равенстве, т. к. физический труд признает «мозоли единственным критерием труда» [25, с. 32]. Следствием этого явилась социальная деградация интеллигенции и упадок культуры. К тому же, работники духовного труда не создают материальных ценностей, и, пока производство материальных благ поглощает внимание общества, нечего и думать о восстановлении должного духовного строя, пишет Г. Федотов [25, с. 33].

Итог всем этим размышлениям подводит тот же Г. Федотов, резюмируя, что «большевикам удалось воспитать поколение, для которого нет ценности человеческой души и когда схлынет волна революционного коллективизма эта “мораль” станет на службу личного эгоизма. Появится новое мещанство — социалистическое» [28, с. 5]. По мнению авторов «Нового града», мещане — это люди, привыкшие жить обыденными интересами, для них не существует духовных ценностей. Мещанство не есть сытость или даже пресыщенность материальными благами, а некий строй души, некая направленность сознания. Новоградцы считали, что именно на таких людей ориентировались большевики, так, Степун отмечает:

Не подлежит никакому сомнению, что успех большевизма объясняется не в последнюю очередь тем, что при всем своем презрении к отдельной человеческой личности, он всегда проявлял очень большую чуткость к проблеме пригодного для революции человеческого материала. Большевизм — это не только программа и тактика, это и полусознательная ставка на вполне определенного человека [18, с. 6].

Похоже, что авторы «Нового града» трактовали феномен большевизма шире, нежели политика конкретной партии. Большевизм — это образ мысли, образ действия, характерный для определенного типа человека.

Поэтому в России духовные ценности не являются значимыми для людей: нет уважения к истине, к свободе, достоинству человеческой личности. Происходит социальная деградация интеллигенции и вульгаризация культуры, истребляется свобода творчества. Но самое страшное преступление большевиков — это глубокое искажение народной души, которое ведет за собой их режим:

В большей степени, чем проповедь материализма и безбожия, чем сознательное разрушение семьи, эта деморализация связана с необходимостью общей лжи и предательства, с проникновением политического сыска в самые недра народной жизни [26, с. 8].

Федотов пишет об исчезновении понятия совести в социальной жизни: «И наконец, мы можем мириться с исчезновением типа интеллигента, но не с исчезновением жалости к человеку, совести в социальной жизни» [там же].

Действительно, даже слово «совесть» почти исчезает из лексикона повседневной жизни: можно согласиться с наблюдением современного исследователя, что, начиная с предшественников большевиков — революционных радикалов 1860–70-х годов, слово «совесть» употреблялось все меньше и меньше из-за его прямых связей с понятием «христианская совесть», а для обозначения ядра революционной веры использовалось слово «сознательность», которое несло с собой коннотацию научности и осознанного контроля над импульсами души [29, с. 48]. С другой стороны, И. Хельбек отмечает, подтверждая тезис Федотова, что жертвы сталинского террора сами оправдывали насилие по отношению к другим людям:

Сталинский режим прибегал по отношению к своим гражданам к крайним формам насилия, но и их собственное самопонимание было проникнуто символическим насилием. Ключевыми компонентами советской субъективности являлись борьба с внешними и внутренними врагами, а также уничтожение «старого человека» в целях создания «нового». Прометеевское прославление силы, здоровья и красоты сочеталось с откровенным презрением к тем, кто считался слабым, больным и непригодным к жизни [30, с. 405].

Как бы подводя итог всем этим размышлениям, Степун отмечает, что «за пятнадцать лет существования советской власти была уничтожена всякая возможность самозарождения личности» [19, с. 18]. Тем не менее, надо признать, что отношение новгородцев к советской России и советскому человеку постепенно менялось: так, в 1937 году Ф. Степун в статье «Чаемая Россия», напишет, что общество, построенное большевиками, при всех его несовершенствах, предпочтительнее, чем капитализм. Так, если брать основную массу населения, так называемый «служилый слой», то можно признать, что в СССР действительно построено бесклассовое общество. Люди совершают чудеса трудового героизма, получая за это минимум необходимых для жизни благ. Это общество гораздо ближе к христианству, чем капитализм, и поэтому «не только не ставя большевикам, в заслугу создание такого общества, но и не прощая им его, нельзя все же не видеть, что советская жизнь является весьма пригодной базой для возведения первого гуманитарного этажа “Нового града”» [20, с. 33]. Особенно привлекательной казалась Степуну трудовая жизнь, «которая в большой степени уравнила бедных и богатых, знатных и простых, образованных и малограмотных», он считал, что ее обязательно надо сохранить, повысив ее бытовой и хозяйственный уровень [20, с. 35]. По мнению Степуна, превращение России в типично капиталистическую страну было бы величайшим преступлением, как перед идеей социального христианства, так и перед всеми пережитыми Россией муками [там же].

Наиболее последовательной была позиция Н. Бердяева, который еще в первом номере «Нового града» вызвал всеобщее негодование эмиграции своим допущением существования особой советской свободы: «Коммунистическое понимание свободы есть понимание свободы, как реализации коллективной строительной энергии в определенном направлении, при определенном знании, что есть истина» [1, 62]. Утверждая, что в обществе капиталистическом свобода стала прикрытием интересов буржуазных классов, Бердяев полагал, что на За-

паде существует свобода для немногих, в Советской России свободное общество строится в перспективе для всех. На Западе трудящимся предоставляются формальные политические права, но не предоставляется возможности через них реализовать свои экономические права. Но мало отвлеченно и формально утверждать свободы и права других людей, надо дать людям материальную возможность быть максимально свободными:

Советская свобода есть возможность социально, коллективно реализовать свою энергию в строительстве новой жизни, в переустройстве мира. При французской свободе очень трудно переделать мир, хотя можно как угодно устроить свою личную судьбу. При советской свободе можно легко переделать мир, хотя в своей личной жизни вы лишены всякой свободы [1, с. 59].

И в 1939 году Бердяев признает право народа на социальную справедливость: экономические требования масс о том, чтобы «цивилизация принадлежала и им» совершенно справедливы и оправданы: «Да, вторжение масс неизбежно сопровождается кризисом культуры, угрозой свободе творчества. Но русская культурная элита также виновата в катастрофе русской духовной культуры, так она всегда была индифферентна, эгоистична, отличалась презрением к жизненным нуждам человеческих масс» [1, с. 6].

Несмотря ни на что, новгородцы были убеждены, что, России, отменившей идеи свободы и личности, предстоит первой выйти на новый путь социального и духовного творчества. Поэтому, одной из задач, которую они ставили перед собой, была задача интуитивно разгадать и творчески закрепить рождающийся в Советской России образ нового человека. По мнению Бердяева, самое главное преимущество этого человека в том, что это человек из народа, который, впервые себя почувствовал сознательным участником и строителем новой жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследователи отмечают, что «исключительная обращенность к личности была уникальна для советского коммунистического государства» [см. об этом: 30]. Советским людям внушалось, что только советская власть понимает, что сам по себе человек является «огромным капиталом». Большевики обещали, что те, кто был рабами, могут и должны превратиться в образцовых представителей рода человеческого. Троцкий описывал социалистическое будущее как время, когда «средний человеческий тип поднимется до высот Аристотеля, Гете или Маркса» [22, с. 197]. Призывая советских граждан принять участие в коллективном строительстве нового мира, руководство обращалось к их предполагаемой предрасположенности к героизму. Эта предрасположенность стимулировала энтузиазм, веру в себя и творческую энергию — все основные характеристики сталинского нового человека, явно противопоставлявшегося «старому человеку» буржуазного Запада. Такое внимание к героизму человека стимулировало у советских граждан стремление работать ради советского государства, поскольку такая деятельность являлась мерой их жизни.

Советская идеологическая машина прославляла героев сталинской эпохи — летчики-полярники, ткачи, доярки, шахтеры были представлены как воплощение советской мечты. В отличие от «американской мечты» (американцы — бездуховные рабочие руки, эксплуатируемые капиталистами), советские люди — это сознательные кузнецы своего счастья, коллективные творцы своей судьбы [30, с. 22].

Согласно советской идеологеме, человек должен жить политической жизнью, мыслить о своем существовании в терминах общественной полезности и не позволять личным заботам подрывать устремленность к общим целям. Хельбек справедливо отмечает, что, в отличие от либерального субъекта, главной особенностью советских людей было не желание личной свободы, а стремление вписаться в революционный контекст эпохи [30, с. 17].

Конечно, необходимо учитывать, что в Советском Союзе отсутствовала как теоретическая, так и практическая подготовка к встрече с трудностями, порожденными переустройством культурной жизни. Общество, погрязшее в бедности, пережившее гражданскую войну, должно было сначала подумать о самых простых экономических задачах. Не следует забывать, что русская революция была первой успешной социальной революцией. Но, оказалось, что культурная революция поставила гораздо более трудные вопросы, чем социальная. Это и понятно, так как культурная революция требует перестройки психологической структуры масс. Именно поэтому, задача формирования нового советского человека не была решена, да и не могла быть решена в парадигме сталинской идеологии. Горделивое прославление личности закончилось по существу уничтожением личности, о чем преимущественно и писали новгородцы. Надо признать, несмотря на то, что авторы журнала «Новый град» находились в эмиграции, многие их оценки оказались очень точны, а догадки попадали прямо в цель. На самом деле, именно напряжение между идеологией и реальностью сыграло наибольшую роль в формировании советского человека. Необходимость мимикрировать создала тот тип человека, который описывает Ю. Левада, инициировавший дискуссию о советском человеке в 90-е годы [см. об этом: 13].

В заключение необходимо отметить, что мы исследуем прошлое, для того, чтобы лучше понять настоящее. Размышления новгородцев о советском субъекте представляются чрезвычайно актуальными именно потому, что они позволяют проблематизировать и понять истоки формирования советского человека, того человека, черты которого до сих пор каждый может найти в себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Парадоксы свободы в социальной жизни // Новый град. — 1931. — № 1. — С. 59–66.
2. Бердяев Н. А. Социальный кризис культуры // Новый град. — 1932. — № 3. — С. 46–53.
3. Бердяев Н. А. О смене поколений и о вечном возвращении // Новый град. — 1932. — № 5. — С. 36–42.

4. Бердяев Н. А. О социальном персонализме // Новый град. Париж. — 1933. — № 7. — С. 44–60.
5. Бердяев Н. А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Новый град. — 1939. — № 13. — С. 5–11.
6. Бунаков И. И. Два кризиса // Новый град. — 1932. — № 2. — С. 28–39.
7. Вышеславцев Б. П. Социальный вопрос и ценность демократии // Новый град. — 1931. — № 2. — С. 39–50.
8. Гессен С. И. Пятилетка и школьная политика советской власти // Новый град. — 1931. — № 1. — С. 67–77.
9. Гессен С. И. Судьба коммунистического идеала образования // Новый град. — 1933. — № 6. — С. 42–59.
10. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. — Москва: Центрполиграф, 1994.
11. Коллонтай А. Любовь и новая мораль // В. Райх, Г. Маркузе. Секс — путь к свободе. Великая борьба за Эрос. — М.: Родина, 2021.
12. Лаговский И. А. Бог и социальная правда в СССР // Новый град. — 1932. — № 4. — С. 40–54.
13. Левада Ю. А. Простой советский человек. — Москва: Мировой океан, 1993.
14. Левада Ю. А. Время перемен. Предмет и позиция исследователя. — URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/14608-svoyu-put-statya-yuriya-levady-o-fenomene-sovetskogo-cheloveka> (дата обращения: 20.09.2021).
15. Райх В. Сексуальная революция в России // В. Райх, Г. Маркузе. Секс — путь к свободе. Великая борьба за Эрос. — М.: Родина, 2021.
16. Степун Ф. А. Задачи эмиграции // Новый град. 1932. № 2. — С. 15–27.
17. Степун Ф. А. О человеке Нового града // Новый град. — 1932. — № 3. — С. 6–20.
18. Степун Ф. А. Любовь по Марксу // Новый град. — 1933. — № 6. — С. 12–27.
19. Степун Ф. А. Идея России и формы ее раскрытия // Новый град. — 1934. — № 8. — С. 15–27.
20. Степун Ф. А. Чаемая Россия // Новый град. — 1936. — № 11. — С. 11–40.
21. Степун Ф. А. О свободе // Новый град. — 1938. — № 13. — С. 11–44.
22. Троцкий Л. Д. Литература и революция. — М.: Политиздат, 1991.
23. Федотов Г. П. Новый град // Новый град. — 1931. — № 1 — С. 3–8.
24. Федотов Г. П. Россия, Европа и мы // Новый град. — 1932. — № 2. — С. 3–14.
25. Федотов Г. П. Что такое социализм. // Новый град. — 1932. — № 3. — С. 21–33.
26. Федотов Г. П. В плену стихии // Новый град. — 1932. — № 4. — С. 8–20.
27. Федотов Г. П. Падение советской власти // Новый град. — 1932. — № 5. — С. 10–21.
28. Федотов Г. П. «О национальном покаянии» // Новый град. — 1933. — № 6. — С. 3–11.
29. Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности; изд. 2-е. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016.
30. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. — М.: Новое литературное обозрение, 2017.
31. Stephen Kotkin. *Stalinism as Civilization*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1995.